

АРХЕОЛОГИЯ

Л.Б. Гмыря

**КОСТЮМ И ЮВЕЛИРНЫЙ УБОР В ДАГЕСТАНЕ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ) –
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 07-04-00204а
(руководитель П.Р. Гамзатова)*

Основная тенденция в современных исследованиях костюма удаленных периодов истории – комплексный подход, заключающийся в применении всевозможных видов источников – археологических, этнографических, исторических, изобразительных, литературных и др. Однако археологические источники являются основными для реконструкции костюма тех территорий, где другие виды источников (письменные, изобразительные) отсутствуют или малоинформативны. Хотя исследование костюма и ювелирного убора на основе археологических данных в основном погребальных комплексов, давно и успешно развивается в научном мире, но как источник по реконструкции костюма они долгое время использовались незначительно, в основном для характеристики художественных особенностей, выявляемых в погребениях и кладах ювелирных изделий (украшений), и для определения функциональной принадлежности разнообразных предметов одежды (поясные пряжки, застежки одежды, пуговицы и др.), а также определения семантики бифункциональных предметов одежды (ритуальные предметы). Проблема реконструкции костюма по археологическим данным поднималась в тех редких случаях, когда в составе погребальных комплексов сохранялись фрагменты тканей костюмов погребенных или находились художественные изделия (золотые и серебряные вазы, кубки) с антропоморфными изображениями. Однако с усовершенствованием методов полевых исследований (детальная фиксация в погребениях всех предметов, входящих в погребальный комплекс) возможности археологических материалов в реконструкции костюма древних эпох значительно возросли.

В изучении древнего костюма по археологическим данным проблемными являются вопросы выделения комплексов костюма (головные уборы, украшения, застежки, обувь, одежда), реконструкции способов ношения отдельных предметов в составе костюма (головной убор, сумочки, поясные подвески, низки бус) и выделения в археологических древностях этнографических комплексов костюма, особенно в регионах с зафиксированной историческими источниками полиэтничностью населения. С последней проблемой связана и другая – выявление инокультурных влияний на развитие этнографического костюма.

Костюм как комплекс включает одежду, головной убор, обувь, предметы их оформления и украшения. Одежда как таковая (платье, рубаха, чулки, штаны и др.) в археологических комплексах сохраняется только при определенных условиях (вечная мерзлота или отсутствие доступа воздуха в воде и болоте). Археологические материалы фиксируют в основном не особенности одежды, а костюма как такового – комплекса деталей, представленного его аксессуарами (золотые, серебряные, бронзовые украшения и предметы одежды, бусы, изделия из полудрагоценных камней, стекла, стеклянной пасты и др.). Однако анализ расположения украшений и деталей одежды позволяет воссоздать в определенной мере и покрой одежды, и способы ее ношения.

Костюм рассматривается исследователями в основном в двух аспектах – функциональном и знаковом. Функциональная роль костюма проявлялась в особенностях одежды и была связана с конкретными географическими условиями обитания социума. В оформ-

лении одежды различными деталями, фиксируемыми в археологических комплексах, проявлялись как особенности господствующего в этнокультурном сообществе мировоззрения, сформировавшаяся социальная традиция, социальная и половозрастная градация, так и необходимость фиксации отличительных этнографических черт в многополярном мире.

Таким образом, археологические материалы содержат значительную и разнообразную информацию, напрямую касающуюся костюма древних эпох и вместе с тем отражающую уровень социально-экономического развития обществ в древности и их этнокультурный облик, в том числе и религиозные верования.

До недавнего времени вопросам реконструкции костюма населения Дагестана эпох древности не уделялось должного внимания. Исследователи при характеристике погребальных комплексов выделяли наряду с другими составляющими (посуда, предметы вооружения) также предметы одежды и украшения, фиксируя в основном их состав и художественные достоинства, не затрагивая при этом их связи с костюмом погребенного.

Впервые попытка реконструкции костюма по археологическим материалам была предпринята нами в докладе на конференции «Культуры Евразийских степей второй пол I тыс. н.э. (из истории костюма)» (Самара, 2001), в котором были интерпретированы некоторые специфические предметы одежды, а именно – парные ременные обоймы с фигурными концами в материалах женских погребений Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. н.э. (Гмыря, 2001. С. 57–75). В докладе было обращено внимание на то, что в погребениях с парными ременными обоймами прослежено специфическое расположение наборов вещей, включавших бусы, металлические зеркала, предметы туалета и др. Низки бус, к примеру, находились не в местах их естественного ношения (ожерелья), а в области плеч, таза и др. В докладе был сделан вывод, что наличие инвентаря в погребениях этого могильника (украшения, предметы одежды, ритуальные наборы) отражало место вещей на одежде погребенных и способ их ношения, т.е. соответствовало декору костюма. В докладе также подчеркивалось, что состав декора, размещение его деталей на одежде и способ ношения подчеркивали социальный статус погребенных, т.е. декор костюма выступал социальным показателем. Специфическое декорирование одежды погребенных свидетельствовало о принадлежности их к особой социальной группе или сословию. Парные ременные обоймы с фигурными концами интерпретировались нами как отличительные знаки женщин, маркирующие их особый социальный статус при жизни. Тот же статус отражала и концентрация различных групп инвентаря (наборы) в особых зонах костюма (бусы на тазовых костях). Наличие специфических наборов при погребенных женщинах, включавших металлические зеркала, низки бус, обломки изделий, копоушки, ногтечистки и др., было определено нами как социальный признак служителей культов (жриц).

Вопрос о связи декора одежды погребенных женщин с их прижизненным социальным статусом был вновь рассмотрен в докладе на международной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе» (Махачкала, 2007). Материалы новых раскопок Паласа-сыртского курганного могильника в 2006 г. (Гмыря, Магомедов, 2007. С. 64–68) открыли возможность более точных определений как семантики ременных обойм с фигурными концами в декоре костюма женщин Прикаспийского Дагестана эпохи Великого переселения народов (IV–V вв.), так и реконструкции всего комплекса его декора. На материалах декора костюма были выявлены признаки престижности его обладателей, показатели половозрастной стратификации в обществе, а также определены культурные влияния на формирование состава женского престижного костюма (Гмыря, Ильюков, Магомедов, 2007. С. 160–173).

В докладе на международной конференции «Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий» (Владикавказ, 2008) нами вновь был поставлен вопрос о декоре женского престижного костюма у населения Прикаспийского Дагестана, но уже на более широком хронологическом материале (античный и раннесредневековый периоды: II–V вв.) (Гмыря, 2008. С. 129–132). Это дало

возможность определить время внедрения инокультурных традиций в декор женского престижного костюма местных кочевых племен и рассмотреть пути его трансформации в эпоху Великого переселения народов (начальный этап раннего средневековья).

Основным источником для реконструкции престижного женского костюма населения Прикаспийского Дагестана раннего средневековья являются материалы погребений Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв., представляющего обширное курганное поле протяженностью с севера на юг в 10 км, разделенное руслом р. Рубас на две половины (северная и южная). Могильник включает свыше 1 тыс. курганов. Из 90 раскопанных в разное время (1882, 1953, 1981–1986, 2006–2009 гг.) на могильнике курганов большая их часть представляет рядовые погребения, и только 13 из них (14,4%) по количеству и характеру инвентаря могут быть отнесены к престижным погребениям (мужские и женские захоронения). Среди престижных погребений особым декором костюма выделяются женские погребения. На основе комплексов женских погребений этого могильника возможно проведение реконструкции как составных частей одежды (головной убор, нательная одежда), так и их декора.

В материалах престижных женских погребений Паласа-сыртского могильника IV–V вв. выделяются комплексы, включающие металлические двусоставные ременные обоймы узкоконечной формы с одним фигурным концом. Впервые пара таких бронзовых обойм с подкововидными концами была выявлена в женском катакомбном погребении к. 20 (раскопки 1982 г.) (*Гмыря*, 1993. С. 73. Рис. 14, 8–9; 35, 22–23), где одна обойма лежала выше правой ключицы узким концом, направленным к нижней челюсти, другая – ниже левой ключицы фигурным концом к плечевой кости левой руки. Также парные ременные серебряные обоймы с секировидными концами были обнаружены и в потревоженном катакомбном погребении к. 43 (раскопки 1984 г.). Погребение было парным, обоймы находились при женском костяке в нижней части грудной клетки по обе стороны от позвоночного столба фигурными концами вниз (*Гмыря*, 1993. С. 95. Рис. 21, 11–12; 35, 20–21). Пластины в обоймах погребений к. 20 и 43 были скреплены двумя заклепками. В погребениях курганов 54 (подбойное захоронение) и 55 (катакомба) были выявлены одиночные ременные обоймы с округлыми концами (раскопки 1985 г.). В одном из них (к. 54) бронзовая обойма находилась при женском костяке под теменной костью черепа (*Гмыря*, 1993. С. 111. Рис. 26, 5; 35, 18). В другом (к. 55) также бронзовая обойма лежала на плечевой кости левой руки (средний уровень) подростка [девочка – ?] (*Гмыря*, 1993. С. 113. Рис. 27, 8; 35, 19). Одиночные обоймы имели меньшие размеры и были скреплены на узком конце одной заклепкой, причем в обойме из к. 55 заклепка была железной.

Рассматривая декор женских костюмов некоторых престижных погребений Паласа-сыртского могильника (к.к. 20, 43, 63, 80), нами было установлено функциональное назначение парных ременных обойм в погребениях к. 20 и 43 как отличительных знаковых предметов, маркировавших особый социальный статус погребенных женщин, предположительно жриц, занимавших высокое положение в среде служителей культов (*Гмыря*, 2001. С. 58, 62–63. Рис. 1–2). При этом было определено, что места крепления ременных обойм на одежде находились у ключиц или в нижней части грудной клетки. Была установлена и дополнительная ранжированная символика ременных обойм (форма фигурного конца, размеры, материал).

В 2006 г. были выявлены новые находки металлических ременных обойм с фигурными концами, входившие в погребальные комплексы к. 193 (погребения 1 а–б). Открытие новых комплексов с ременными обоймами позволяет более точно определить место изделий этого типа в декоре престижного женского костюма, их функциональное назначение и символизацию. А нахождение в комплексах к. 193 характерных компонентов восточногерманского женского костюма (парные двупластинчатые фибулы с низкой бус) дает дополнительную информацию о формировании декора этнографического костюма у кочевых племен европейских степей в эпоху Великого переселения народа.

Курган 193 (высота 1, 2 м, диаметр 13 м) находился на южном участке могильника (правый берег р. Рубас). В нем было выявлено три погребения: парное основное № 1, со-

вершенное в катакомбе, и детское № 2, произведенное на уровне подошвы курганной насыпи (захоронение грудного ребенка в возрасте 6 месяцев). В катакомбе с поперечным расположением камеры находились захоронения женщины 25–30 лет (погребение 1а) и девочки (?) 5–7 лет (погребение 1б). Пол камеры был обмазан толстым слоем жидкой глины, сверху посыпан белым веществом (известь, мел – ?). Погребенные лежали на растительной подстилке (камыш?) сиреневато-серого цвета.

Камера овальной в плане формы (2,7х1,8 м), ориентированная по линии СВ–ЮЗ, была заполнена суглинистым рыхлым грунтом от обвалившегося потолка (сохранившаяся высота камеры – 1,4 м). Погребенные были перекрыты слоем песка толщиной 0,3 м. Погребение № 1 было нарушено в древности (крупные каменные блоки заклада находились в засыпи входной ямы на разных ее участках, входное отверстие камеры не было перекрыто, по его периметру имелись примазанные к стенке куски глиняной замазки щелей заклада, в засыпи входной ямы выявлены бусины).

Костяк погребенной женщины (п. 1а) находился в анатомическом порядке, он был ориентирован головой к ЮЗ. Череп имел дыневидную форму, сформировавшуюся в результате искусственной деформации (длина 0,28 м, ширина лицевой части 0,1 м), он был повернут к правому предплечью. У погребенной женщины имелись патологии позвоночника и подвздошных костей. Ее правая рука была вытянута вдоль туловища, а левая также вытянута, но отведена от туловища (кисть левой руки находилась на расстоянии 0,22 м от бедренной кости). Ноги погребенной были раздвинуты, левая вытянута, правая согнута коленом ко входу в камеру (расстояние между коленными суставами составило 0,32 м).

Костяк погребенной девочки (п. 1б) находился в нарушенном состоянии (череп раздроблен, кости сдвинуты в грудку) слева от костяка взрослой женщины, у западной стенки камеры. Ее череп также имел следы искусственной деформации, он лежал теменными костями к ЮЗ.

Вещевой комплекс погребенной женщины состоял из 106 предметов (3 керамических сосуда, 11 металлических изделий, 63 экз. бус и 19 экз. бисера):

1. Керамические сосуды (3 экз.). Набор включал два однотипных кувшина желтой глины с цилиндрическим горлом, шаровидным туловом (высота 20,5 и 9,5 см) и ленточной ручкой. Поверхность их была покрыта красным ангобом (кроме донца), в том числе ангоб был нанесен на верхний уровень внутренней части горловины и сероглиняный горшок шаровидной формы с высоким, отогнутым наружу венчиком (высота 13,3 см), его поверхность была покрыта копотью. Сосуды стояли в изголовье погребенной на расстоянии 0,24 м от черепа, кувшины находились по обе стороны горшка, их ручки были повернуты к юго-западной стенке камеры.

2. Серьги (2 экз.) из серебра состояли из проволочного кольца овальной формы с заходящими концами (диаметр 1,1 и 1,2 см) и серебряной привески каплевидной формы (длина 1,6 см), прикрепленной к кольцу снизу. Серьги лежали слева и справа от черепа, на уровне ушных раковин.

3. Серебряное проволочное кольцо (диаметр 1,3 см). Оно лежало рядом с серьгой (ниже по уровню), находившейся слева от черепа.

4. Двусоставные металлические ременные обоймы узколенточной формы с округлым расширением на одном конце. Нижняя пластина обойм была серебряная, верхняя – золотая с тисненым орнаментом в виде дуг и ложной зерни (длина изделий 10 см, ширина пластин 1,75 см, диаметр округлого расширения 3,25 см). Обе пластины обойм были соединены в трех местах заклепками (в центре округлого расширения, в средней и концевой частях прямоугольной ленты). Концы заклепок на тыльной стороне обойм были развальцованы, а на лицевой соединены с круглыми гнездами с сердоликовыми вставками, причем вставки на округлом расширении имели больший диаметр. Вставки были укреплены в гнездах посредством тонких серебряных ободков. Одна обойма (№ 1) была прямая, другая (№ 2) вогнутая внутрь (искривлена). Прямая обойма находилась у левого предплечья, лицевой стороной вверх, прямоугольным концом, направленным к черепу. Изогнутая обойма лежала под лицевыми костями правой половины черепа, также лице-

вой стороной вверх. Ее прямоугольный конец находился у верхнего уровня глазницы. Краевые заклепки, расположенные на прямоугольных частях обойм, неплотно стягивали верхние и нижние пластины, зазор между ними составлял 0,1–0,15 см.

5. Железная круглорамчатая ременная пряжка (диаметр 2 см) с хоботовидным язычком и уступом на спинке. Язычок пряжки находился в поднятом до вертикального уровня положении. Пряжка тыльной стороной была приварена окислами железа к скуловой кости нижней челюсти правой стороны черепа, находясь рядом с ременной обоймой изогнутой формы.

6. Серебряные двухпластинчатые фибулы (2 экз.) длиной 8 см с желобчатой спинкой высотой 0,7 см. Ножки фибул имели листовидную форму с зубчатыми краями, их длина разная: фибула № 1 – 4 см; фибула № 2 – 3,8 см. Головные щитки фибул овальной формы также были разных размеров: длина у фибулы № 1 составляла 2,5 см, ширина 3 см; у фибулы № 2 соответственно 2,9 и 3,2 см. Пружинный механизм (железо) был прикреплен к головным щиткам с помощью тонких серебряных пластинок (длина 1,7 см, ширина 0,5 см). Остатки железных пружин были сильно окислены. Приемник сохранился только у фибулы № 2 (тонкая серебряная пластинка шириной 0,6 см с изогнутым концом), в нем находился обломок железной иглы. На внешней стороне спинок обеих фибул в окислах серебра сохранились обмотки из толстой крученой нити. Небольшой фрагмент нити сохранился также в пружинном механизме фибулы № 1. Фибула № 1 лежала на правой лопатке погребенной спинкой вниз, застежкой кверху, острым концом ножки к ключице. Фибула № 2 находилась на левой лопатке спинкой кверху, острым концом ножки к плечевой кости левой руки.

7. Железная поясная пряжка круглорамчатой формы с подвижным язычком (диаметр 2,4 см). Пряжка лежала на полу камеры слева от нижней части левой половины грудной клетки, язычок был направлен в сторону локтевого сочленения левой руки.

8. Железный нож (длина 13,7; длина лезвия 10,7 см, ширина у штыря ручки 2 см, штырь имел длину 3 см). Черенок был покрыт древесным тленом от ножен, на штыре сохранилась бронзовая (?) заклепка, выступающая на одну из его сторон. Спинка ножа изогнута. Нож лежал на полу камеры слева от железной поясной пряжки, у лучевых костей левой руки острием к кисти руки, лезвием к туловищу.

9. Зеркало серебряное литое с центральной петлей для подвешивания (диаметр 4,9 см). По краю зеркала имелся валик, тонкий валик обрамлял по окружности и ручку зеркала. От него отходили 11 радиальных рельефных линий. Зеркало лежало на полу камеры слева от левой половины тазовой кости, орнаментальная сторона была повернута к полу, на глиняной обмазке пола сохранился отпечаток ручки зеркала.

10. Бусы (62 экз.) и бисер (19 экз.) выявлены в 7-и зонах. **Набор № 1** (25 экз.). Часть бус (6 экз.) лежала вдоль внешней стороны плечевой кости правой руки; остальные (19 экз.) находились между правой лопаткой и внутренней стороной плечевой кости правой руки, справа от фибулы № 1. В набор № 1 входили сердоликовые бусы (4 экз.), пастовые глазчатые (4 экз.), полихромные (3 экз.), пастовые одноцветные (10 экз.), бесцветная бусина с внутренней позолотой, пастовые граненые (3 экз.) (16-гранные и кубическая). Среди сердоликовых одна – 16-гранная крупная. Форма бусин в основном шаровидная, среди них имелись 2 экз. крупных пастовых бусин (диаметр 2–2,1 см). **Набор № 2** (18 экз.). Бусы лежали в два ряда между левой лопаткой и внутренней стороной плечевой кости левой руки, рядом с фибулой № 2. В набор № 2 входили сердоликовые бусины (2 экз.), пастовые глазчатые (2 экз.), пастовые полихромные (6 экз.), пастовые одноцветные (3 экз.), бронзовая (шаровидная) бусина, гешировая 16-гранная бусина, каменные бусины (3 экз.). Среди полихромных имелась бусина с меандровым рисунком, крупные бусины шаровидной формы с шахматным орнаментом (2 экз.), бусина с рисунком из цветков. Среди каменных – крупноцилиндрической формы (длина 3,7 см, диаметр 1,7 см). Гешировая 16-гранная бусина лежала рядом с фибулой № 2 на левой лопатке. Большинство бусин имели шаровидную форму за исключением двух удлинённых и многогранной бусины. **Набор № 3** (5 экз.). Бусины лежали слева от центральной части позвоночного столба: сердоликовые (2 экз.), пастовые (2 экз.) и стеклянная с внутренней позолотой. **Набор № 4** (4 экз.).

Бусины находились слева от нижней части позвоночного столба: сердоликовая (1 экз.), пастовая 6-гранная удлиненная (1 экз.), стеклянные прозрачные (2 экз.). **Набор № 5** (6 экз.). Бусины находились над правой половиной тазовой кости: сердоликовые (2 экз.), стеклянные бесцветные с внутренней позолотой (2 экз.), пастовые (2 экз.). **Набор № 6** включал пастовые бусы (4 экз.) и мелкий стеклянный бисер (19 экз.). Бусины и бисер находились под тазовыми костями. Бисер впечатался в глиняную обмазку пола погребальной камеры. Пастовая бусина (1 экз.) бочковидной формы темно-серого цвета лежала у правой половины нижней челюсти, рядом с ременной обоймой № 2.

Инвентарь погребенной девочки (п. 1б) состоял из 12 предметов (керамический сосуд, 3 экз. металлических изделий и 8 экз. бусин):

1. Керамический миниатюрный кувшин, аналогичный по форме кувшинам погребения женщины (высота 8,2 см), но в отличие от них он был покрыт ангобом бордово-коричневого цвета и на верхней части имелся сосцевидный налп. Сосуд стоял у западной стенки погребальной камеры на расстоянии 0,78 м к югу от черепа погребенной девочки и на расстоянии 0,4 м к западу от группы сосудов погребенной женщины.

2. Фибула серебряная двухпластинчатая (длина 5,8 см) с ножкой ромбовидной формы (длина 2,6 см, ширина 1,8 см), головным щитком округлой формы (длина 2,1 см, ширина 2,6 см) и желобчатой спинкой (высота 0,6 см). Фибула лежала под скоплением костей погребенной девочки вблизи левой кисти погребенной женщины. На головном щитке фибулы сохранились фрагменты пружинного механизма (железо), крепившегося с помощью тонких серебряных пластинок. Игла не сохранилась.

3. Двуставная серебряная ременная обойма узколенточной формы с фигурным концом. Верхняя пластина (длина 8,8 см, ширина 1 см) имела на одном из концов подковообразное расширение (диаметр 2,2 см). Нижняя пластина (длина 6,8 см, ширина 0,9 см) имела узколенточную форму. Обе пластины были соединены в двух местах заклепками (на конце прямоугольных пластин). Краевая заклепка неплотно стягивала пластины, зазор между ними составил 0,1 см. Ременная обойма лежала на полу погребальной камеры фигурным концом, направленным к фибуле (расстояние между ними составило 0,5 см).

4. Пряжка серебряная ременная овальнорамчатой формы с утолщением спереди (диаметр 1,5x1,3 см, толщиной рамки 1,3–1,4 см). Язычок длинный хоботовидной формы с уступом у основания. Пряжка лежала на полу камеры рядом с фигурным концом ременной обоймы, лицевой стороной вверх.

5. Бусины (8 экз.). Набор включал крупные глазчатые бусины шаровидной формы (2 экз.); удлиненную цилиндрическую полосчатую; крупную 14-гранную из пасты синего цвета; шаровидные мелкие из пасты и стекла (2 экз.) и фрагменты от двух рассыпавшихся бусин (мелкой и крупной). Бусины лежали на полу камеры рядом с ременной обоймой.

На основании вещевого комплекса захоронения женщины в к. 193 возможна следующая реконструкция женского парадного костюма. В декоре костюма выделяется три комплекта: 1) головной; 2) нагрудный; 3) поясной. **Головной комплект** включал серебряные серьги кольцевидной формы с каплевидной привеской и налобную ленту с прикрепленными к ней ремешками металлическими обоймами с округлыми концами. Налобная лента (начельник) была, видимо, выполнена из кожи (ширина 2 см), ее концы скреплялись на затылке (?) посредством железной круглорамчатой пряжки диаметром 2 см. На уровне височных костей к начельнику прикреплялись (заклепки – ?) короткие кожаные (?) ленты шириной 1,5 см, внешние концы которых закреплялись заклепкой между нижней и верхней пластинами ремешков обойм. Ремешковые обоймы являлись своеобразными височными привесками, которые свешивались вдоль лица перед ушными раковинами круглыми концами вниз. Начельник на передней части был, видимо, расшит мелкими бусинами (наборы 3–4). Головной убор, возможно, дополнялся тканевым покрывалом (платок, шаль), о чем свидетельствует отпечаток ткани на окислах железной пряжки, лежавшей под костями нижней челюсти.

Учитывая нахождение железной пряжки, скреплявшей концы начельника под костями нижней челюсти с правой стороны черепа, и вертикальное положение ее язычка, он не

был застегнут и зафиксирован на голове погребенной, а был положен у нижней челюсти с фиксацией ременных обойм сбоку от головы. Это положение головного убора может быть объяснено своеобразием погребального обряда, каноны которого, видимо, не допускали традиционного нахождения на погребенной начельника, но в то же время, как личная вещь, он включался в погребальный комплект.

Нагрудный комплект состоял из двух серебряных двупластинчатых фибул и бус (наборы 1–2). Фибулы крепились на оплечном одеянии в верхней части, ниже ключиц, по обе стороны от позвоночного столба в вертикальном положении острием ножек, направленным вверх. Наличие нитяных обмоток на спинках обеих фибул и нахождение рядом с ними скоплений бус (наборы № 1–2) позволяет считать, что концы нитей с нанизанными на них бусинами привязывались к спинкам фибул. Варианты положения низок могли быть разные: а) одна длинная низка (наборы 1–6), включавшая ок. 63 бусин, привязывалась концами к спинкам фибул, располагаясь на груди; б) две низки (наборы 1 и 2 и дополнительные) привязывались концами двумя рядами к спинкам фибул, также располагаясь на груди; в) каждая низка привязывалась к одной из фибул отдельно, составляя два гарнитура: 1) фибула № 1, низки бус 1, 5, 6; 2) фибула № 2, низки бус 2–4), при этом низки свешивались на груди в виде сдвоенного вертикального ряда. Учитывая расположение бусин в погребении, их значительное количество, наличие крупных тяжелых бусин, вероятнее всего, бусы располагались на груди в два горизонтальных ряда, концы низок крепились на дужках фибул (вариант б). Вероятно, при погребении нити низок были разрезаны, что обусловило концентрацию бусин двумя группами у левой и правой фибул. Оплечная одежда была, видимо, расшита по краю, располагавшемуся на уровне таза, мелким разноцветным бисером, зернинки которого впечатались в глиняную обмазку пола погребальной камеры.

Поясной комплект состоял из пояса (кожа – ?), скреплявшегося железной кругло-рамчатой пряжкой диаметром 2,4 см (Рис. 1, 11). К поясу, видимо, слева привешивались железный нож в деревянных ножнах (Рис. 1, 7) и серебряное зеркало с центральной петлей (Рис. 1, 12). Учитывая расположение поясной пряжки, ножа и зеркала на некотором расстоянии от костяка, пояс, видимо, не был закреплен на одежде погребенной, а был положен вместе с привесками слева от тазовых костей. Косвенно это подтверждается и положением левой руки погребенной, отведенной от туловища влево.

Реконструкция декора костюма погребенной женщины, вероятно, не отражает всей его полноты, т.к. ряд фактов свидетельствует об ограблении погребения (положение фибулы № 1 лицевой стороной вниз; зеркала петелькой вниз; нахождение бусин в засыпи входной ямы; нарушение первоначального положения заклада в камеру). Вероятно, вещевого комплексу женского погребения включал большее количество изделий, выполненных из драгоценных материалов. Возможно, в него входили еще 2 экз. фибул, раковины каури, туалетный прибор (ногтечистка, ухвертка), привешивавшиеся на серебряное кольцо, сосуды для благовоний и бляшки с вставками, украшавшими одежду.

Вещевой комплекс погребения ребенка (девочка?) свидетельствует о том, что в декор костюма погребенной были включены: **головной комплект** – начельник с серебряной височной привеской с подкововидным концом, скреплявшийся серебряной овально-рамчатой пряжкой диаметром 1,5 см (изделие № 4); **нагрудный комплект** – двупластинчатая фибула (изделие № 2) и низка бус. Т.е. декор костюма погребенной девочки повторял в основном декор костюма взрослой женщины, однако при этом отсутствовал пояс с пряжкой и прилагавшиеся к нему аксессуары (нож, металлическое зеркало). Учитывая значительную потревоженность костяка погребенной девочки, наличие одинарной височной привески и одинарной фибулы, состав вещевого комплексу, вероятно, неполный в результате разграбления.

Подобное декорирование костюмов, вероятно, имели и другие женские престижные погребения с ременными обоймами – курганы 20, 43, 54, 55 Паласа-сыртского могильника.

Женский костюм в к. 20 (катакомба) состоял из **головного** (бронзовые проволочные серги, бронзовая пряжка, парные бронзовые обоймы, 13 экз. бусин и 3 экз. гагатовых

привесок); **нагрудного** (бронзовая двухпластинчатая фибула с нитяной обмоткой на спинке, 2 обломка бронзовых пластин от другой фибулы (?), бусы с нитками (15 экз.), бронзовые разделители (2 экз.), раковины каури (2 экз.); **поясного комплектов** (крупная железная пряжка) (Гмыря, 1993. С. 73, 76. Рис. 14, 4, 5, 7–9, 11, 12, 16–41).

Остатки вещевого набора женского погребения (п. 2) в кургане 43 (катакомба) включали **головной** (парные серебряные обоймы), **нагрудный** (20 экз. бус и 3 экз. раковин каури), в котором не было фибул; **поясной** (крупная железная пряжка); **обувной** комплекты (мелкие серебряные пряжки (2 экз.)) (Гмыря, 1993. С. 95, 98. Рис. 21, 7–9, 11, 12, 14–28).

Женский комплекс к. 54 (подбой) включал **головной** (бронзовые серьги с многогранником, бронзовая обойма, железная пряжка); **нагрудный комплекты** (бронзовая фибула с подвязным приемником, находившаяся под подбородком с остатками ткани, и 1 экз. бусины) (Гмыря, 1993. С. 109, 111. Рис. 26, 3–8).

Комплекс к. 55 (катакомба) с захоронением подростка состоял из **головного** (бронзовая пряжка, бронзовая обойма), **нагрудного комплектов** (бронзовая мелкая фибула с простым приемником и серебряной проволочной обмоткой с остатками ткани, серебряная мелкая фибула с таким же приемником и серебряной обмоткой, бусы (24 экз.), раковины каури (2 экз.), бисер (80 экз.) (Гмыря, 1993. С. 113. Рис. 27, 4–24).

В женском погребении кургана 60 (яма с заплечиками) четко представлен только **нагрудный комплект** (бронзовая фибула с подвязным приемником и бронзовой проволочной обмоткой с обрывком тонкой ткани розового цвета (на груди), железные фибулы с подвязным приемником и бронзовой проволочной обмоткой с остатками рогожной ткани (2 экз.), лежали на груди по обе стороны от позвоночника) (Гмыря, 1993. С. 117. Рис. 103, 5–11).

Состав вещевых комплексов с ременными обоймами (к. №№ 20, 43, 54, 55, 193а–б) позволяет сделать некоторые заключения: 1) начальник с височными привесками длинноцилиндрической формы с фигурными концами и нагрудный набор, состоявший их парных фибул с привязанной к ним низкой (низками) бус входили в декор только женских костюмов; 2) они имели место только в престижных погребениях; 3) ценность входящих в декор вещей (золото, серебро, бронза, сердолик, импортные бусы), их количество и размеры демонстрировали уровень социальной градации внутри элитных групп женщин; 4) форма фигурного конца ременных обойм (височных привесок), их длина могли ранжировать принадлежность к определенной возрастной группе, а также символизировать родовую (этническую?) принадлежность женщины.

Ременные обоймы с фигурными концами выявлены, помимо Паласа-сыртского курганного могильника, и в синхронных погребальных комплексах еще 4-х могильников Прикаспийского Дагестана – в грунтовых могильниках Урцеки 1 и 2, погребении у с. Ираги и могиле 19 Большого Буйнакского кургана. Один бронзовый образец из Урцеки имел фигурный конец подкововидной формы, два других – такую же, но с остроконечным выступом в центре. Один из них выполнен из бронзы, верхняя пластина второго была позолочена и украшена чеканным и тисненым орнаментом и вставкой из красного камня в центре фигурного конца (Маммаев, 1969. Рис. 7, 2–4).

Парные обоймы из Ирагинской гробницы сделаны из серебра (нижние пластины) и золота (верхние пластины). Пластины скреплены двумя концевыми заклепками, на фигурных концах они закреплены вставками из красного полудрагоценного камня. К тому же костюм погребенной в Ирагинской гробнице был, видимо, декорирован так же, как и погребенной женщины из кургана 193 Паласа-сыртского могильника. В состав инвентаря (его первоначальное расположение не установлено, т.к. оно было разрушено в ходе строительных работ) входили 4 экз. фибул и множество бус и подвесок из различных материалов (Давудов, 1979; Абакаров, Давудов, 1993). Возможно, **нагрудный комплект** костюма погребенной в Ираги женщины включал двухпарные застежки и ожерелья: пара № 1 – двухпластинчатые золотые на бронзовой основе фибулы с вставками из альмандина и зеленого стекла на ножке ромбовидной формы и головном щитке полукруглой формы; пара № 2 – серебряные мелкие двухпластинчатые фибулы. К фибулам прикреплялись две нитки с бусами и подвесками.

Образец металлической обоймы из Большого Буйнакского кургана был выполнен из бронзы и имел скругленный конец (Абрамова, 1980. Рис. VII, 40).

Точное расположение ременных обойм в этих могильниках не установлено, и они отнесены исследователями к наконечникам мужских поясов (Маммаев, 1969. С. 211–212; Абрамова, 1980. С. 135), но учитывая их однотипность с паласа-сыртскими обоймами, они также могли быть атрибутами женского костюма (височные привески).

Прямых аналогий ременным обоймам (височные привески) паласа-сыртского типа нам не удалось найти за пределами Прикаспийского Дагестана. Аналогия М.П. Абрамовой ременной обойме с полукруглым концом из Большого Буйнакского кургана в азелинской культуре относится к наконечникам мужских поясов (Генинг, 1979. Рис. Г 11, Д 22–23). Близкая ей по форме обойма имеется в комплексе разграбленного погребения IV в. к. 2 у ст. Виноградной в Северной Осетии (Абрамова, 1997. С. 10. Рис. 5, 6), но ее функциональное назначение не определено.

Тождественна по форме дагестанским образцам с подкововидным концом обойма (обломок) из группы случайных находок на поселении черняховской культуры у с. Копуловки близ г. Никополя в Запорожье. Она выполнена из бронзы, сверху обтянута золотым листком, по краям орнаментирована штампом и декорирована вставками из янтаря. Но это изделие отнесено И.П. Засецкой к накладке от уздечных ремней (Засецкая, 1994. С. 166. Табл. 6, 14). В качестве аналогий можно также привлечь пару наконечников с секировидным концом из разрушенного погребения у д. Муслимово (1895 г.) Пермской губернии (Засецкая, 1975. Каталог. № 42; 1994. С. 191. Табл. 43, 2). Эти наконечники двусоставные серебряные, пластины в нижней части спаяны между собой, вверху имеется зазор для закрепления на ремне. Внешняя сторона наконечников украшена гнездами треугольной формы для крепления вставок. Подобные им по форме золотые наконечники (2 экз.), инкрустированные гранатами в перегородчатых гнездах, были найдены (1812 г.) в разрушенном погребении у с. Концешты (правый берег р. Прут, Румыния) (Засецкая, 1994. С. 174. Табл. 19, 1). Перечисленные аналогии происходят из разрушенных погребений, и их функциональное назначение не может быть точно определено. Но учитывая их большую близость по форме и технологическим особенностям с дагестанскими образцами, они также, возможно, входили в декор женских костюмов.

Точную дату (375–420 гг.) имеет серия серебряных наконечников с фигурными концами, в том числе с секировидным, зубчатым, круглым, происходящая из Керченских склепов («два склепа 24 июня 1904 г.» на Госпитальной улице) (Археология. Крым... 2003. Табл. 14, 61–64; Болгов, 1998. С. 45). Они близки по форме дагестанским образцам, но также отнесены И.П. Засецкой к украшениям конской узды (Археология. Крым... 2003. С. 34).

Некоторые варианты фигурных концов дагестанских узколенточных ременных обойм (подкововидные, подкововидные с остроугольным выступом в центре) типологически близки бляшкам-подвескам от уздечного набора в виде луниц с прямоугольным выступом в верхней части и отверстием в нем (Засецкая, 1975. Каталог. № 8, 46, 78; 1994. С. 43, 162, 168–169. Табл. 1, 10; 10, 3; 11, 9). Все они выполнены из золота на бронзовой основе, некоторые имеют тисненый орнамент. В целом в древностях конца IV – первой половины V в. ременные обоймы паласа-сыртского типа представлены в единичных экземплярах, что может свидетельствовать об их локальном развитии в пределах Прикаспийского Дагестана в узкий хронологический период.

В какой-то степени подтверждением нашей версии использования ременных обойм паласа-сыртского типа в качестве подвесок к начальникам служит изображение декора головного убора на бронзовом кувшине сасанидского типа, выполненном в форме человеческой головы (Тревер, 1959. Табл. 23). В ушах показаны серьги кольцевидной формы с подвесками в виде двух шариков, вдоль лица от висков свисают привески узколенточной формы длиной до скуловых костей, заканчивающиеся округлыми расширениями (шаровидный конец). Форма головного убора (шапочка) обеспечивала обзор и серег и височных привесок.

Нам не удалось обнаружить в погребальных комплексах времени Великого переселения народов сочетаний ременных обоев с фигурным концом и парных фибул с низкой бус. В то же время декор женского костюма на уровне плеч парой фибул, скрепленных низкой бус или цепочкой, получил широкое распространение в Центральной и Восточной Европе в античный и раннесредневековый период. Появление и распространение этого элемента декора женского костюма связывается с восточногерманскими племенами – остготами (*Щеглова*, 2000. С. 140). Наиболее ранние проявления этого способа декора зафиксированы в материалах вельбарской культуры (*Русанова*, 1993. С. 188–189. Табл. ХСVIII), датируемых на территории Восточной Европы последней четвертью II в.н.э. – 310–320 гг. н.э. (*Гей*, *Бажан*, 1997. С. 39–40). Характерными этноопределяющими признаками женских погребений этой культуры считаются также металлические поясные пряжки и костяные гребни. Широко представлены парные фибулы, укрепленные на плечах, и в черняховской культуре (*Никитина*, 1988. С. 42, 91. Табл. 22Б. 1, 4, 5; *Сымонович*, 1988. С. 148, 158. Рис. 5, 2–3; 7, 2–3; 14, 3, 4, 5; 1993. С. 143–145. Табл. LXIV–LXVIII, LXXIV–LXXVII; *Никитина*, 1996. С. 42, 156; *Магомедов*, 1999. С. 110, 111, 116; *Левинский*, 1999. С. 159; *Обломский*, 2003. С. 90. Рис. 94–95), где эта деталь костюма признается внедрением вельбарской традиции (*Tempelman–Macynska*, 1988. С. 216–217).

В поздне- и постчерняховский период традиция ношения женщинами пары фибул на плечах зафиксирована в различных регионах Восточной Европы – Крыму (Археология. Крым... 2003. С. 43, 46–47. Табл. 22 : 22, 23), в Северо-Восточном Причерноморье у Новороссийска (*Дмитриев*, 1982. С. 73, 86, 88, 90, 102. Рис. 7; 16; 2003. С. 201). В этих регионах обычай ношения пары фибул на плечах считается этнографическим признаком крымских готов (*Айбабин*, 2003. С. 43; *Дмитриев*, 2003. С. 205). Аналогичная традиция у пруссов V–VI вв. связывается с влиянием вельбарской культуры (*Кулаков*, 1994. С. 124).

Серия женских погребений с пластинчатыми парными фибулами на плечах, выявленная в позднее- и постчерняховских погребениях Танаиса, также считается влиянием восточно-германской традиции декора женского костюма (*Безуглов*, 1993. С. 126; *Безуглов*, *Толочко*, 2001. С. 99; 2002. С. 42–44, 46. Рис. 2).

Подобные наборы (пара фибул на плечах, скрепленных низкой бус) имеются в материалах времени Великого переселения народов – могильников Вимианакиум I и II в Подунавье (*Ivanisevic, Kazanski, Mastykova*, 2006. С. 140, 142, 145, 148, 150, 160. Pl. 2. fig. 14. 1–9; 3. fig. 16. 1–6; 4. fig. 28. 1–3; 5. fig. 29. 1–10; 6. fig. 38. 1–11; 10. fig. 100. 1–5; 11. fig. 112. 1–7; 20 fig. 132. 1–6) и в Венгрии в бассейне Тиссы (См.: *Безуглов*, *Толочко*, 2002. С. 47).

Традиция украшения женского костюма парой фибул с бусами получила распространение и на Северном Кавказе. В статье М.М. Казанского и А.В. Мастыковой, посвященной анализу вещей германского облика в комплексах могильников Северного Кавказа времени Великого переселения народов (*Казанский, Мастыкова*, 1998. С. 102–135), приведена обширная сводка находок парных двупластинчатых фибул, аналогичных по форме головки паласа-сыртским образцам, в черняховской культуре и вне ее зоны (*Казанский, Мастыкова*, 1998. С. 109). При этом авторы выявили отличительные признаки женского костюма с парными двупластинчатыми фибулами на Кавказе и костюма восточногерманских племен (черняховский ареал). Главным из них они считают отсутствие в северокавказском костюме с парными фибулами поясных пряжек, подвесок из ракушек, костяных пирамидальных подвесок и отсутствие в комплексах восточногерманских племен металлических зеркал, браслетов, серег, перстней, наконечников ремней (имеются в виду ременные обоемы типа Паласа-сырт и Ираги), геометрических золотых накладок (С. 109). Авторы в связи с этим заключают, что «прямое заимствование у германцев костюма с двупластинчатыми фибулами кавказским населением нам представляется маловероятным» (С. 109). Ареал Боспора также исключается авторами как возможный источник заимствования северокавказским населением элементов восточногерманского женского костюма (С. 111). М.М. Казанский и А.В. Мастыков считают вероятным, что у населения обоих регионов (Боспор, Северный Кавказ) был общий прототип женского костюма с парными двупластинчатыми фибулами, а именно, престижный «княжеский» убор эпохи

Великого переселения народов (С. 112). В статье отмечается, что составные элементы «княжеского» костюма эпохи Великого переселения народов (период Д₂) были заимствованы из разных традиций: германской (фибулы), алано-сарматской (зеркала, золотые накладки), римской (С. 113). Ареал распространения престижного женского костюма – от Дона до Пиренеев. По мнению авторов, «княжеская» мода получила распространение в равной степени как среди «федератов» Римской империи..., так и среди германских и алано-сарматских вассалов «гуннской империи»... Интернациональный характер этой моды очевиден» (С. 113). Основной вывод авторов о причинах и обстоятельствах распространения элементов восточногерманского костюма на Северном Кавказе – следование в декоре женского костюма престижной «княжеской» моде местной алано-сарматской знатью без восприятия истоков его декора (С. 113).

Как показывают материалы Паласа-сыртского могильника, иноэтничный женский костюм не внедрялся в местную среду в законченном виде, были восприняты лишь его отдельные элементы (фибулы с низкой бус), этнографический же набор не подвергся трансформации. Декор женского костюма парными фибулами на плечах в погребении 193 Паласа-сыртского могильника следует, как нам представляется, отнести к культурной традиции восточногерманских племен. Но если в могильниках Танаиса, Дюрсо и Крыма эта традиция напрямую связывается с пребыванием в этих регионах остготских мигрантов, то в Южный Дагестан она была привнесена иначе. Учитывая узость хронологии погребений Паласа-сыртского могильника, в том числе и женского погребения в к. 193 (конец IV – первая половина V в.), население, оставившее этот могильник, не имело длительного контакта с восточногерманскими племенами, обитавшими в Причерноморском регионе и Крыму. Остается предположить, что в Восточное Предкавказье могли попадать в качестве жен местной кочевнической элиты представительницы родственных племен гуннов, обитавших в Северном Причерноморье и Восточной Европе, воспринявших восточногерманскую традицию украшения своего этнографического костюма. Однако эта деталь восточногерманского женского костюма в одеянии элитных женщин Северо-Восточного Кавказа сочеталась с этнографическим показателем – головным убором, украшенным височными подвесками специфической формы (с фигурным концом), серьгами и поясом, в ожерелья включались и раковины. Другой инвентарь был также традиционен (керамическая посуда определенных типов, зеркало, нож, сумочки с ритуальными предметами). О варварской принадлежности женщин Паласа-сырта, костюм которых был украшен парой фибул с бусами, косвенно свидетельствует отсутствие в комплексах костяных гребней – характерных компонентов как женских, так и мужских погребальных наборов восточногерманских племен.

На территории Прикаспийского Дагестана отмечено и более раннее применение элементов декора восточногерманского женского костюма.

На курганном могильнике Львовский Первый–2 в низовьях Сулака, датируемом III–IV вв., в катакомбном погребении к. 23 среди погребального инвентаря имелись 2 экз. бронзовых фибул с подвязным приемником, они зафиксированы по обеим сторонам груди. Большое количество бус лежало в области груди и на шейных позвонках (*Абрамова и др.*, 2000. С. 15–16. Рис. 18, 1–2, 4–6).

На синхронном ему могильнике Львовский Первый–4 в подбойной могиле к. 24 **нагрудный набор** состоял из четырех застежек: 2 экз. бронзовых фибул на правой стороне груди и бронзовая фибула на левой стороне, здесь же, видимо, находилась и пряжка-сюльгама (ее местоположение не отмечено). Между застежками находилось ожерелье, включавшее помимо бус также металлические подвески (лунницы, спирали и др.) (*Абрамова и др.*, 2001. С. 14. Рис. 36, 1–3, 11; 37, 15–16).

В подбойном погребении к. 36 этого же могильника также имелось 4 экз. застежек на груди: на правой половине – бронзовая пряжка-сюльгама и бронзовая фибула, на левой – бронзовая пряжка-сюльгама и бронзовая 6-лопастная пряжка (*Абрамова и др.*, 2001. С. 21. Рис. 58, 1–3, 7), но скопление мелких бус было выявлено у берцовой кости левой

ноги. Материалы указанных погребений относятся к середине III в. (Абрамова и др., 2000. С. 65; 2001. С. 56), а сами могильники связываются с сарматскими племенами.

Столь раннее проявление восточногерманской традиции декора женского костюма у кочевников Прикаспийских степей может свидетельствовать об определенных связях племен этого круга с восточногерманскими племенами, но, вероятнее всего, некоторые детали декора (парные (двупарные) застежки на груди с низкой бус) были заимствованы из костюма населения восточнопредкавказских городов, погребальные комплексы которых содержат пряжки-сюльгамы и фибулы (мог. Урцеки, Дербент, Буйнакск).

Это подтверждается схожим декором женских костюмов в погребениях Дербентского II могильника III–IV вв. (Кудрявцев, Гаджиев, 1991. С. 87–115):

Погр. 1, узкая яма. **Нагрудный комплект** (реконструкция): пара застежек и ожерелье из 23 экз. бус. Застежки представлены перламутровой брошью и крупной бронзовой круглорабочатой пряжкой с железной иглой.

Погр. 2, узкая яма с каменным перекрытием и частичной обкладкой стенок. **Нагрудный комплект** (реконструкция): двупарные бронзовые застежки и ожерелье. Пара № 1 – крупная пряжка с зооморфными несходящимися концами и крупная пряжка с 4-я фигурками птичек; пара № 2 – 2 экз. овалнорабочатых пряжек с полукруглыми щитками. Ожерелье включало бронзовую лунницу, 13 бусин и 163 экз. бисера. Пряжка с зооморфными концами находилась у плечевой кости правой руки, бусы – на шейных позвонках, остальные предметы набора – в нижней части правой половины грудной клетки и на правой половине таза.

Погр. 3, узкая яма. **Нагрудный комплект**: трехпарные бронзовые застежки и 2 экз. ожерельев. Пара № 1 – крупная круглорабочатая пряжка с зооморфными несходящимися концами и крупная круглорабочатая пряжка; пара № 2 – овалнорабочатая пряжка и овалнорабочатая пряжка с прямоугольным щитком; пара № 3 – овалнорабочатая пряжка с полукруглым щитком и крупная круглорабочатая пряжка с железным язычком. Ожерелье № 1 состояло из 19 экз. бус, 10 экз. бронзовых подвесок в виде пирамидок, конуса, головок быков. Оно находилось в средней части груди рядом с пряжками. Ожерелье № 2 (42 экз. бус, 51 экз. бисера, 18 экз. янтарных грибовидных подвесок) вместе с бронзовой гривной лежало на шейных позвонках.

Погр. 5, узкая яма с каменным перекрытием, ребенок 6–8 лет. Зафиксирован только череп. **Нагрудный комплект**: двупарные бронзовые застежки и 2 экз. ожерельев. Пара № 1 – крупная круглорабочатая пряжка с зооморфными несомкнутыми концами и крупная пластинчатая круглорабочатая пряжка с железным язычком; пара № 2 – круглорабочатая пряжка с заходящимися концами и крупная круглорабочатая пластинчатая пряжка с железным язычком. Ожерелье № 1 состояло из 25 экз. бус, морской раковины с дырочкой и раковины каури. Оно находилось между пряжками. Ожерелье № 2 (69 экз. бус и 175 экз. бисера) вместе с бронзовой гривной лежало у основания черепа.

Погр. 6, узкая яма с каменным перекрытием, ребенок 6–8 лет. Зафиксирован только череп. **Нагрудный комплект** (реконструкция): трехпарные застежки и 2 экз. ожерельев. Пара № 1 – брошь четырехугольной формы и бронзовая арбалетная фибула; пара № 2 – стеклянная круглорабочатая пряжка с железным язычком и бронзовая пряжка-сюльгама; пара № 3 – бронзовая пластинчатая пряжка круглорабочатой формы и бронзовая пряжка круглорабочатой формы с железным язычком. На позвоночнике между парами 1 и 2 находилась крупная бронзовая шестилопастная пряжка с железным язычком. Ожерелье № 1 состояло из 18 экз. бисера, 66 экз. бус и бронзовых подвесок – крупной ажурной многогранной формы, колокольчика и трехперого наконечника стрелы с отверстием. Ожерелье № 2 (389 экз. бисера, 28 экз. бус, 2 экз. бронзовых лунниц) вместе с бронзовой гривной лежало у основания черепа.

Погребения Прикаспийского Дагестана с нагрудными комплектами восточногерманского типа представляют на могильниках малочисленные группы: на Львовском Первом – 2 – 1 погреб. из 85 (1,1%), на Львовском Первом – 4 – 2 погреб. из 71 (2,8%), на Паласа-

сыртском – 6 погреб. из 90 (6,6%). Нагрудные комплекты выявлены только в женских погребениях с многочисленным и богатым инвентарем.

В рассмотренных погребениях II–IV вв. часты случаи нахождения двупарных и трехпарных застежек (6 погреб. из 8 (75%). В погребениях IV–V вв. преобладают однопарные застежки (6 погреб. из 7). В погребениях II–IV вв. в нагрудных комплектах фибулы редки (7 экз. из 32 экз. застежек (21%) и преобладают пряжки различных типов (25 экз. из 32 экз. застежек). В погребениях IV–V вв., напротив, преобладают фибулы (13 экз. из 15 экз. застежек (86,6%).

Вопрос о покрое женского костюма по материалам Паласа-сыртского могильника может быть решен в зависимости от функциональной принадлежности фибул с бусами – выполняли ли они роль застежек или являлись декоративными бифункциональными деталями женского костюма. Учитывая, что в фибулах женского погребения к. 193 имелись иглы и они были введены в пластинчатые приемники, эти предметы использовались по прямому назначению, т.е. они были пристегнуты к одежде, и к их спинкам привязаны низки бус.

Существующие реконструкции покроя женской одежды с парными фибулами и низкой бус предполагают различные по стилю одевания, сводящиеся к трем типам: 1) широкое трубовидное платье-туника, скрепленное у ключиц двумя фибулами (Кулаков, 1994. Рис. 71; Примеры реконструкции см.: Орфинская, 2001. Рис. 8, 3; Бугров, 2002. С. 228); 2) плащ (накидка), прикреплявшийся к платью с помощью пары фибул или другой вариант – фибулы прикалывались к плащу (накидке), удерживаемому на плечах посредством цепочки или низки бус, крепившихся к фибулам (Хайреддинова, 1999; Pilet, 2001. P. 423; 2006. P. 141. fig. 7, 1; Бугров, 2002. С. 228. Рис. 1); 3) сарафан, бретели которого скреплялись фибулами (Археология. Финно-угры... С. 60–61. Табл. XVI, 6, 7).

Как отмечалось, паласа-сыртские материалы показывают, что в декоре женского костюма наличествует не прямое заимствование из чужого этнографического костюма, а интегрирование в свой образец отдельного элемента-гарнитура, включавшего парные фибулы и низку бус. В письменных источниках нет сведений о ношении женщинами кочевого мира эпохи Великого переселения народов одежды европейского покроя. В степных культурах ареала Западная Азия – Восточная Европа в гунно-сарматской среде II–V вв. преобладала распашная одежда в женских и мужских комплектах (Баталов, 2001. С. 29. Рис. 1). Приск Панийский, описывая свой визит с дипломатическими дарами к жене царя европейских гуннов Аттиле, отметил одну очень интересную деталь, касающуюся состава женского костюма гуннских элитных женщин: «Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения сверх варварских одежд» (Приск Панийский. С. 687). Автор подчеркнул, что знатные женщины из окружения царицы Креки носили «варварские одежды», т.е. одевали одежду традиционного покроя (распашную), но существовала мода дополнять ее накидками из ткани с разноцветными вышивками. Из сообщения Приска можно заключить, что накидки не несли функционального назначения, не являлись плащом или утепленной одеждой. Они использовались для украшения, вероятно, они выполнялись из шелковых однотонных тканей и украшались разноцветной вышивкой. Возможно, именно такую накидку имела погребенная женщина из кургана 193, украшенную вышивкой из разноцветного бисера. Накидка, видимо, пристегивалась к верхней одежде фибулами, а низка бус между ними являлась дополнительным украшением костюма, одновременно демонстрируя высокий социальный статус погребенной и, не исключено, и ритуальное назначение.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
Абрамова М.П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997.
- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый–2. М., 2000.
- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый–4. М., 2001.
- Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003.
- Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Айбабин А.И.* Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003.
- Баталов С.Г.* Элементы женского наряда гунно-сарматского населения // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (Из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001.
- Безуглов С.И.* О погребениях V в. в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого 1975 г.) // ИАИАИАНД – 1991. 1993. Вып. 11.
- Безуглов С.И., Толочко И.В.* К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конференции. СПб., 2001. Ч. 1.
- Безуглов С.И., Толочко И.В.* Новые данные к характеристике некрополя позднего Танаиса // Донская археология. 2002. № 1–2.
- Болгов Н.Н.* Боспор V в: континуитет материальной культуры «темного столетия» (европейская часть) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. V. М.; Магнитогорск, 1998.
- Бугров Д.Г.* Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции по материалам Комминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2002.
- Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. КСИА. Вып. 58. М., 1979.
- Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Гмыря Л.Б.* Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993.
- Гмыря Л.Б.* Одевание служителей языческих культов в «стране гуннов» Прикаспия // Культуры Евразийских степей II пол. I тыс. н.э. (Из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001.
- Гмыря Л.Б.* Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребений Прикаспийского Дагестана (II–V вв.) // Т.Д. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владикавказ, 2008.
- Гмыря Л.Б., Илюков Л.С., Магомедов Р.Г.* Восточно-германские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV–V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы международной конференции. Махачкала, 2007.
- Гмыря Л., Магомедов Р.* Интересные погребальные комплексы Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. (раскопки 2006 г.) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда международного конгресса. Т. 1. Казань, 2007.
- Давудов О.М.* Гробница из сел. Ираги // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.
- Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003.

Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.

Засецкая И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.

Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху великого переселения народов // ИАА. 1998. № 4.

Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. 1. Махачкала, 1959.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.

Кулаков В.И. Прусы (V–XIII вв.). М., 1994.

Левинский А.Н. Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове // Stratum plus. 1999. № 4.

Магомедов Б.В. Черняховский могильник Курники на Южном Буге // Stratum plus. 1999. № 4.

Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б., Хангишиев Г.Д., Бакушев М.А., Саидов В.А. Раскопки Паласа-сыртского могильника в 2006 г. // Вестник ИИАЭ. 2006. № 3.

Маммаев М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Уч. зап. ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР. Серия обществ. наук. Т. XIX. Кн. 2. Махачкала, 1969.

Никитина Г.Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. // Могильники черняховской культуры. М., 1988.

Никитина Г.Ф. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М., 1996.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2003.

Орфинская О.В. Аланский костюм VII–IX вв. (по материалам из скальных могильников Карачаево-Черкесии) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001.

Пинар Ж., Риполь Ж. Римско-визиготское культурное взаимодействие и проблема этнической атрибуции археологического материала в позднеантичной Hispania (по погребальным памятниками V–VI вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Материалы научного симпозиума (2003), материалы научно-практической конференции (2005). Ижевск, 2006. С. 203–221.

Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4.

Русанова И.П. Вельбарская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э.– первой половине I тыс. н.э. М., 1993.

Сымонович Э.А. Придунайский могильник Фурмановка // Могильники черняховской культуры. М., 1988.

Сымонович Э.А. Вещевые находки // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л., 1959.

Хайреддинова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Циллосани Н.О. Дневник раскопок, веденых в Южном Дагестане в 1880 г. // V Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета 1879 г. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882.

Щеглова О.А. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналогии, резуль-

таты // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.Д. III Международной археологической конференции. Самара, 2000.

Ivanisevic V., Kasanski M., Mastykova A. Les necropoles de Viminacium a l'epoque des Grandes Migrations. Paris, 2006.

Pilet C. Temoignages de modes germaniques orientales dans la Lyonnaise Seconde // (Normandie actuelle): bilan provisoire // International Connections of the Barbarians of the Carpatian Basin in the 1st – 5th centuries A.D. Aszod–Nyiregyhaza, 2001.

Pilet C. Des elites guerrieres dans la partie occidentale de la Lyonnaise Seconde IVe–V^e siecles? // Del Age du fer au haut Moyen Age. Archeologie funeraire, princes et elites guerrieres. Tome XV des Memoires publies par l'Association francaise d'Archeologie merovingienne. Conde–sur–Noireau, France, 2006.

Tempelman–Maczynska M. Strój Kobięcy Kultury wielbarskiej i jego powiazania z sasiednimi obszarami // Kultura wielbarska w mlodszy m o kresie rzymskim. T. 1. Lublin, 1988.